

The background of the cover is a dark, atmospheric illustration. In the upper center, a full moon glows against a dark blue sky. Below the moon, the title is written in large, white, stylized Cyrillic letters. The main illustration features a large, close-up face of a vampire with pale skin and glowing red eyes. The vampire's face is partially obscured by a dark, flowing cape or shadow. In the background, a small, rustic wooden house with a thatched roof is visible, illuminated from within. The overall color palette is dominated by dark blues, blacks, and the red of the vampire's eyes.

Нареченная призрака

**Неда
Гиал**

Неда Гиал

Наречённая призрака

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70377022

SelfPub; 2024

Аннотация

Что делать, если собственное проклятие не даёт тебе умереть? Что делать, если твоя семья гонит тебя из дому, чтобы отвлечь от себя мстительных духов? Что делать, если путь к искуплению лежит через мир нечисти, а бывшие враги и друзья стоят у тебя на пути? Присоединяйтесь к Снежане в её приключениях в мире проклятых. Издание второе, переработанное.

Содержание

Глава I. «Печальный плод отравленного древа...»	4
Глава II. Таверна в туманах	40
Глава III. «Постояльцы»	58
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Неда Гиал

Наречённая призрака

Глава I. «Печальный плод отравленного дерева...»

– Ну соглашайся уже, Снежанка! – засмеялась Улита. – Что ты как ребёнок, в самом деле!

Она посмотрела на подружку, такую тихую и застенчивую, и снова засмеялась.

– Я ж тебе толкую, что мы сможем обернуться за два дня, нас никто и не спохватится! Родители же всё равно в городе на ярмарке будут! А мы наверняка сможем увидеть местных эльфов, я тебе точно говорю!

– В этих местах уже пару сотен лет не было эльфов... их, говорят, вообще давно уже истребили...

– Ну разумеется истребили! – нетерпеливо перебила её Улита. – Но братец мой уверен, что во время охоты набрёл на место их последнего боя! Может там ещё осталось оружие или украшения какие – разве тебе не интересно?! – воскликнула она, всплеснув руками от возбуждения, и тут же недовольно нахмурилась, видя, что подружка по-прежнему сомневается.

Они не могли бы быть более разными. Улита была яркой, жизнерадостной, крепко сбитой, как и положено крестьянской дочери. Её волосы, словно отражением её натуры, были огненно-рыжими, а лицо и руки поцелованы солнцем – щедро усыпаны веснушками. Ярко голубые глаза всегда светились любопытством и сверкали озорными искорками. Снежана, напротив, была мучительно стеснительной девочкой с белоснежной кожей и пепельными волосами. Карие глаза неизменно смотрели серьёзно, почти настороженно. Когда она разговаривала с другими жителями деревни, те часто начинали нервничать под её внимательным взглядом – казалось, она смотрела прямо вглубь души. В деревне её вообще если не сторонились, то несколько опасались из-за загадочных происшествий, сопровождавших её всё детство. В младенчестве, спустя пару недель после рождения, на коже Снежаны проступили письмена на неведомом языке, обыкновенные для кочевников, чудного народа из далёких южных пустынь. Вот только подобные письмена редко появлялись даже у полукровок, а в семье Снежаны кочевницей была лишь бабушка по отцу. Ни у самого отца, ни у остальных её братьев и сестёр никаких письмён не было, отчего произошедшее казалось каким-то знамением, причём непременно дурным. Письмена со временем исчезли, но странности на этом не закончились. Говорить она начала очень поздно, произнесла первое слово, лишь когда ей было уже года четыре от роду. Ребёнком она была замкнутым и отстранённым, нередко

просто сидела, уставившись в тёмные углы комнаты и пугая родичей до смерти. Иногда малышка, казалось, беседовала с кем-то незримым, и от этого детского лепета у присутствующих поднимались дыбом волосы на затылке. Мать и бабка обращались к ведунье, надеясь на помощь магии, но та даже не пустила их в дом: встретила их на пороге, с каменным лицом выслушала просьбу, а затем презрительно плюнула на землю перед бабкой, выругалась и захлопнула дверь, оставив обеих женщин в растерянности. В деревне перешёптывались, что Снежана разговаривает с духами, что наполняло взрослых ужасом, а детей восхищением.

Впрочем, никакие различия не помешали этим двум стать закадычными подругами ещё в раннем детстве. Обыкновенно они почти всё делали вместе, даже родительские поручения. Улита всегда была заводилой в их приключениях, а Снежана всегда шла следом, неизменно сомневаясь, но движимая тем же любопытством, что и подруга. Однако на этот раз сомнения уверенно побеждали любопытство.

– Мне кажется, это не очень хорошая идея, – наконец заговорила она.

Улита удивлённо подняла на неё взгляд: Снежана начала слегка заикаться, что происходило с ней только в моменты сильнейшего волнения.

– Говорят, те эльфы погибли из-за предательства союзников-людей... А ещё говорят, что из-за этого их души не смогли успокоиться и теперь скитаются по ущелью, охваченные

жаждой мести...

Улита громко рассмеялась.

– Да ты веришь всему, что болтают, а? – весело спросила она. – Знаешь, что ещё говорят? Что каждые несколько лет у твоей семьи бесследно пропадает то чья-то подружка, то батрачка...

– И что? – растерянно спросила Снежана.

Семья её считалась зажиточной, но батрачек у них уже давно не водилось. Последняя, правда, действительно сгинула, когда-то давно, но так ведь все знали, что она утонула при стирке на речке. А лет шесть назад пропала подружка старшей сестры, но про неё болтали, что она сбежала с проезжим молодцем. Причём тут её семья? Улита недобро прищурилась и на мгновение в её взгляде промелькнула неприязненная искорка, но в следующий миг она улыбнулась и ответила:

– А ничего. Лишь то, что нельзя верить всему, что болтают... И потом, – девушка хитро улыбнулась, – тебе ли бояться привидений? Ты же им почти подружка!

Снежана нахмурилась – ей не нравились разговоры о том, что она якобы общалась с духами. Но Улита смеялась так искренне, что невозможно было на неё долго обижаться.

– Весна только началась, – сказала она, не собираясь так просто сдаваться, – здесь-то может и тепло, но выше в горах до сих пор лежит снег...

– Значит оденемся потеплее! – беззаботно отмахнулась Улита.

– А на ночь где мы остановимся? – возразила подруга.

– Брат мне рассказывал о срубках, что наши охотники ставят в горах на всякий случай. Вдруг непогода застанет, или заплутают. Они там повсюду, я примерно знаю где, – Улита шутливо пихнула всё ещё сомневающуюся подругу в бок. – Ну хватит уже так переживать! Не всё ж нам с бабками дома сидеть!

Снежана вздохнула и прибегла к последнему аргументу.

– Мама запретила мне ходить туда. Ни при каких обстоятельствах!

На этот раз Улита смеялась дольше и обиднее.

– Как будто это нас когда-либо останавливало! – весело ответила она. – От этого ж только интереснее!

– Нет, – Снежана покачала головой. – Это было по-другому... На этот раз она, – девушка запнулась, не зная как облечь в слова то, что она чувствовала от матери, – была словно... напугана.

– Глупости! – раздосадованно воскликнула Улита и поднялась. – Я всё равно пойду. Ты со мной или нет? Или мне Марью с собой позвать? – с лёгкой насмешкой добавила она, зная, что Снежана её приревнует.

К её удивлению, на подколку подруга не отреагировала, но после некоторых раздумий всё-таки нехотя согласилась пойти с ней.

Девушки вышли ранним утром следующего дня, сразу после отъезда родителей на традиционный весенний базар в городе. Собрав с собой еды на дорогу, они сообщили своим бабкам, что идут собирать галантою: горное растение, цветущее ранней весной и известное своими целебными свойствами. Бабка Улиты не возражала, их запасы действительно подытожились, почему бы и не собрать чего. Только и удивилась, что внучку обыкновенно не загнать в лес или горы, в последнее время и вовсе одни проказы да парни на уме, а тут, ишь, сама вызвалась. А вот бабка Снежаны как-то подозрительно прищурилась, выслушивая робкие объяснения внучки. Возражать не стала, но разразилась тирадой про то, чтобы они ни при каких обстоятельствах не приближались к Долине Эльфийских Слез – то самое место, куда они и направлялись. Снежана послушно кивала, слегка зардевшись от стыда, Улита же старательно прятала глаза и презрительную усмешку.

Подружки шли весь день. Сначала было достаточно тепло и солнечно – в долине уже распогодилось, несмотря на раннюю весну. Однако чем выше они поднимались на близлежащее плато, тем холоднее и мрачнее становилось. Поначалу это их не особенно беспокоило, вернее они этого даже не заметили. Девушки перебрасывались шуточками, вспоминали

деревенские байки и даже собрали немного галантои, чтобы было что предъявить дома. Но когда они ненадолго остановились, чтобы передохнуть и перекусить, то невольно огляделись повнимательнее, и им стало чуть тревожно. Снежана робко спросила, не повернуть ли им назад, пока не поздно, но Улита беспечно отмахнулась. Чем дальше в горы они поднимались, тем неуютнее чувствовала себя Снежана. Невольно вспомнились подробности легенды о Долине Эльфийских Слёз, об отряде эльфов, погибшем в ней. Правда местные жители об этом событии знали не так уж и много, за двести лет почти всё забылось.

Королевство, в котором они жили, когда-то было союзником эльфов. Но со временем оно распалось из-за конфликтов знати, и в их краях трон занял король с совершенно новыми взглядами, как на свою вотчину, так и на бывших союзников. Первым делом он обвинил соседей во всех возможных грехах. На границах пожаром вспыхнули конфликты, на приграничных территориях, где эльфы и люди веками жили бок о бок, начались гонения на не-людей и им сочувствующих. Некоторые земли были даже отвоёваны у собственно Эльфийского Королевства, и эльфам пришлось уйти из здешних мест. Разумеется, деревенские жители не знали всех тонкостей высокой политики тех времён, да и два века спустя яд наветов сделал своё чёрное дело – большинство в округе искренне считало эльфов древними врагами. Однако, несмотря ни на что, следы их пребывания ещё оставались: в песнях,

в легендах, в поросших мхом алтарях Гиалах – богини Луны и покровительницы эльфов – изредка встречавшихся в лесах. Кроме того, в те времена люди окрестных сёл всё ещё сочувствовали эльфам и старались помогать им, несмотря на указы нового короля. Из уст в уста передавалась легенда о последнем отряде эльфов, прикрывавшем отход беженцев и своих основных сил. Со временем этот сказ был запрещён и полузабыт, к тому же Снежана почему-то ни разу не слышала его у себя дома – только в гостях у Улиты или у других девушек, когда они рукодельничали и слушали рассказы старух. Ей запомнилось лишь то, что эльфов кто-то предал, и они были окружены в ущелье, ныне называвшемся Долиной Эльфийских Слез, где отряд был безжалостно перебит превосходящими силами противника. По легенде их предводитель погиб с проклятьем на устах, проклиная предавших его, и с тех пор мстительные души эльфийских воинов обитали в долине. Рассказывающие легенду старухи обычно зловеще добавляли, что предатель был родом из одной из деревень в округе, может даже их собственной, и что когда-нибудь возмездие настигнет его потомков. Снежана поёжилась и заозиралась, будто почуяв на себе чей-то взгляд, но потом снова задумалась. Возможно она не слишком хорошо запомнила детали легенды, но в этих пересказах её всегда смущало одно несоответствие: если эльфы были древними врагами, то почему им помогали люди? И почему заманивание врага в ловушку считалось предательством? Затем

её фантазия обычно брала верх, и под монотонное бубнение старух она представляла себе поле брани, отчаянно сражающихся эльфов, залитое кровью лицо их предводителя, спекшиеся волосы, пронзительные глаза, тонкие губы, шепчущие проклятие... Снежана вздрогнула и снова испуганно огляделась, резко возвращаясь к реальности – никогда ещё её грёзы не казались такими осязаемыми. Зачем она только согласилась пойти с Улитой? И почему у неё было предчувствие, что должно произойти что-то страшное? Впрочем, подруга наверняка сказала бы, что у неё всегда такое предчувствие. Она подняла глаза – небо постепенно темнело, но никаких охотничьих хижин не было видно, насколько хватало взгляда. Однако Улита продолжала упрямо идти вперёд.

– Так что с охотничьими срубами? – начала было Снежана.

– Мы скоро придём, – раздражённо ответила Улита, голос её чуть дрогнул, и стало ясно, что она и сама в этом не уверена.

Снежана примолкла на какое-то время, однако с каждым шагом становилось всё темнее и страшнее, вдали слышались отдельные завывания волков – на ночь останавливаться здесь точно не следовало бы.

– Улита, – снова начала она, – а ты уверена, что здесь вообще есть охотничьи хижины?

Подруга разозлилась.

– Да! Уверена! Послушай, – чересчур раздражённо про-

должила она, — я же тут сама никогда не была и знаю про них только по описанию брата... но одна из них точно где-то здесь... — она огляделась, но в быстро сгущающихся сумерках уже невозможно было что-либо рассмотреть.

— Может мы заблудились? — тихо пробормотала Снежана и поёжилась, когда очередной волчий вой пронзил тишину.

Она нервно оглянулась: согласившись пойти с Улитой, она опасалась, что случится что-то страшное, но никак не ожидала, что это будет смерть от холода или волчьих зубов. Девушка вздохнула и последовала за подругой — поворачивать вспять всё равно было уже слишком поздно.

Они шли ещё не меньше часа, уже окончательно стемнело, да вдобавок пошёл снег и поднялся сильный ветер, ледяными порывами швырявший пригоршни снежной крупы в лицо. Охотничья переключка волков слышалась всё ближе, рано или поздно они неминуемо почуют их след. Вдруг Улита удивлённо вскрикнула и резко остановилась, Снежана от неожиданности чуть не врезалась ей в спину.

— Смотри, вон там! — крикнула подруга, указывая на ярко освещённое окошко, свечой горевшее в темноте.

— Странно, — протянула Снежана, — разве сейчас в горах есть наши охотничьи отряды?

— Вроде бы нет, — покачала головой Улита и задумалась. — Здесь вблизи когда-то была таверна, тогда, прежде чем... — она не договорила, но было ясно, что она имеет ввиду гибель эльфийского отряда. — Для путников, пересекающих горный

хребет. Правда, она давно заброшена. Кто бы мог подумать, что она на самом деле... – пробормотала она, резко прервалась, оглянувшись на подругу, и, поразмыслив, решительно направилась к светящемуся пятну. – Идём! Наверно какие-то путники нашли там пристанище, не будут же они возражать, если мы присоединимся!

После секундного замешательства Снежана последовала за ней. Она, по обыкновению, сомневалась, что им там будут рады, но им действительно было необходимо пристанище на ночлег. И чем раньше, тем лучше.

Ещё через полчаса, когда Снежана уже начала чувствовать голодные глаза хищников у себя на спине, они наконец добрались до источника света. Это действительно была старая таверна, неожиданно крепкая для якобы давно заброшенного здания. Внутри действительно кто-то был, слышались голоса. Девушки подошли к двери и постучали, разговор прервался, однако никто не открывал, будто бы обитатели не могли поверить, что поздним вечером, высоко в горах, гостем мог быть человек. Улита постучала погромче и, когда вновь никто не открыл, потянула на себя дверь. Их обдало тёплым воздухом и послышалось уютное потрескивание дров в камине. Харчевня, в которую они зашли, переступив порог, совершенно не производила впечатления временного пристанища для заблудившихся путников. Размерами она была где-то на дюжину посетителей и выглядела так, словно таверна до сих пор регулярно принимала гостей. Подру-

ги были настолько поражены увиденным, что не сразу заметили моложавую женщину лет сорока, стоявшую у стола, и мужчину, сидящего в кресле у огня. Хозяева смотрели на гостей с не меньшим изумлением.

— Кто... Как вы сюда забрались? — наконец прервала тишину женщина.

— Простите нас за столь поздний визит, — Улита вдруг потеряла всю свою смелость. — Мы не хотели вас напугать... — когда супруги так и не отреагировали, по-прежнему изумлённо глядя на девушек, она в замешательстве оглянулась на подругу, затем нерешительно продолжила, — Мы отправились собирать цветки галантой и, похоже, потерялись... Вы не пустите нас на ночь? Мы вас не стес...

Женщина перевела взгляд с Улиты на Снежану и вдруг вздрогнула, её глаза расширились от ужаса.

— НЕТ! Вам нельзя оставаться! — выкрикнула она с таким отчаянием, что обе девушки слегка отшатнулись, Улита даже попятилась.

— Но мы не можем остаться снаружи! — заговорила вместо неё Снежана. Она отчаянно робела, но ночевка под открытым страшила её больше разговоров с незнакомцами. — Там жуткий мороз, да и волки уже идут по нашим следам. Мы погибнем, если вы не пустите нас на ночлег... пожалуйста...

— Вы не понимаете, — женщина, казалось, чуть не плакала и почему-то постоянно бросала взгляды на большие резные часы с маятником. — Вы погибнете, если останетесь здесь на

ночь!

Обе девушки застыли на месте, недоуменно глядя на женщину – что могло быть хуже, чем смерть от холода или в зубах хищников? Несколько мгновений они в растерянности переминались в дверях, не зная, что предпринять.

– Пусть остаются, – вдруг глухо произнёс мужчина, – теперь уже всё равно...

Женщина посмотрела на него, снова посмотрела на часы и наконец кивнула.

– Ну хорошо, – смирившись сказала она, – но я вас предупредила...

Она усадила обеих девушек за стол и приготовила им еды и чаю. Казалось, что после непонятного всплеска отчаяния и туманного предупреждения, ею снова овладело спокойствие. Странное, жутковатое спокойствие... обречённого на казнь. Женщина расспросила подружек, откуда они пришли и что делали так далеко в горах. Девушки повторили всё ту же историю про галантою, не сговариваясь решив, что лучше не рассказывать об истинных причинах их похода. Мужчина по-прежнему сидел в кресле, мрачно куря трубку и хмуро прислушиваясь. Только раз он обменялся с женой значащими взглядами, когда девушки упомянули название своей деревни. Женщина, казалось, потеплела к девочкам, особенно почему-то к Снежане. В какой-то момент она даже нежно погладила её по руке, и девушка в ужасе отшатнулась, увидев неожиданно старческую руку для столь молодой жен-

щины, и та поспешно отдёргнула её, спрятав обратно в рукав тёплой вязаной кофты.

— А почему, — робко начала Снежана, чувствуя себя неловко за вспышку ужаса и стремясь прервать тяжелую тишину, повисшую в комнате, — почему вы сказали, что мы погибнем, если останемся на ночлег?

Женщина подняла на девушек взгляд и засомневалась, но затем собралась с духом, да так и замерла в ужасе с открытым ртом, когда начали бить часы. Впрочем, почти сразу же она едва слышно выдохнула с облегчением, увидев, что до полуночи ещё час. И всё же все четверо безмолвно смотрели, как часы отсчитывают одиннадцать ударов. После того, как отзвучал последний удар, они ещё какое-то время молчали, затем женщина поднялась, принесла ещё чаю и разлила его по чашкам, безуспешно пытаясь успокоить дрожащие руки, и наконец заговорила, с трудом совладав с собой. Она начала издалека, с уже известной подругам истории о последнем эльфийском отряде, погибшем неподалёку, и о событиях, предшествовавших этому. Девушки удивлённо переглянулись: она рассказывала древнюю легенду так, словно всё произошло только вчера, описывая мельчайшие подробности.

— Когда-то эта таверна была полна жизни, — взгляд женщины затуманился, — Здесь останавливались охотники и путники, пересекавшие горный хребет. Эльфам здесь тоже были рады, ведь тогда люди ещё считали их союзниками. В те

времена они торговали с поселениями людей по эту сторону хребта, когда сами, а когда через хозяина таверны.

Снежане показалось, что на слове «хозяин» женщина загнулась. Та опять засомневалась и снова бросила взгляд на мужа, который продолжал смолить трубкой, уставившись в пустоту.

– Он же должен был зажечь сигнальные огни, чтобы обозначить эльфам путь из ущелья, дабы они могли уйти, прежде чем их окружит войско нового короля, – женщина говорила медленно, надолго умолкая, как будто ей было тяжело, болезненно пересказывать эту историю. – Однако незадолго до того дня в таверну прибыли посланники короля, как-то разузнавшие, что эльфов в этой местности всё ещё поддерживают... Они пообещали неслыханные богатства, если хозяин таверны предаст эльфов... И страшные кары за отказ, – женщина судорожно вздохнула и её глаза увлажнились. – Хозяин и его семья решили... спасти себя и взяли деньги короля... Что же до эльфов... они сражались как черти, их предсмертные крики были слышны далеко в горах... Говорят, их командир в одиночку бился ещё несколько часов, после того, как все его товарищи пали. Сама природа оцепенела от горя, когда в конце концов пал и он... С последним дыханием он проклял тех, кто его предал... С тех пор ущелье называется Долиной Эльфийских Слез, и там до сих пор обитают мстительные души павших... Охотники и торговцы больше не смеют проходить через него... Да и

дороги через перевал стали опасными, и из-за духов, и из-за волков, что невероятно расплодились после бойни, отъевшись на трупах... Таверну никто не посещал уже... долгое время, – она снова слегка запнулась при последних словах, – люди избегают ходить по этим дорогам.

Женщина умолкла, какое-то время они все сидели, думая каждый о своём, в полной тишине, прерываемой лишь тиканьем часов, с каждой секундой звучащим, казалось, всё громче. Наконец Снежана прервала становившееся невыносимым молчание.

– Но ведь всё это произошло уже очень давно, – она поразмыслила и посмотрела на женщину, – причём здесь вы и почему нам опасно здесь находиться? Вы же, вроде бы, живёте здесь уже долгое время?

Супруги вновь обменялись взглядами, мужчина мрачно усмехнулся и собирался было что-то сказать, как вдруг часы забили снова. Хозяева таверны смертельно побледнели и в ужасе смотрели, как обе стрелки часов застыли на цифре двенадцать. Бой часов стал вдруг таким громким, что болью отзывался в голове. В следующий миг Снежана почувствовала дуновение ледяного ветра, обернулась посмотреть и вскрикнула от удивления: одна из стен попросту исчезла, и было видно, как неугомонный ветер кружил снежные хлопья. Несколько мгновений спустя, вдали появился отряд полупрозрачных, тускло светящихся фигур. Над таверной повисла жуткая тишина, часы остановились, пламя застыло, не

слышно было даже завываний ветра. Призрачный отряд приблизился к таверне – это были эльфы, лучники и меченосцы в полном обмундировании, суровые и мрачные. Их предводитель обвёл взглядом комнату, и Снежана скорее почувствовала, чем увидела, его усмешку.

– Я вижу, на этот раз у вас гости, – звук его голоса эхом отзывался в комнате, раздаваясь, казалось, со всех сторон и пробирая живых до костей. – Как не вовремя... для них.

Хозяева по-прежнему сидели не шелохнувшись, уставившись на призрака, не в силах вымолвить ни слова. Женщина вцепилась в рукава своей кофты, мужчина до побелевших костяшек сжал трубку, рука его ходила ходуном.

– Значит вы по-прежнему не готовы отправиться в чистилище? – продолжил призрак. – Заплатить за свои прегрешения? Опять приносите других в жертву? – он жестом указал на обеих девушек. – Тянете за собой в ад?

Снежана смотрела на него во все глаза, ей чудилось, что иногда она видит его настоящий облик. Эльф, казалось, мерцал между своей призрачной формой и тем, как он, должно быть, выглядел при жизни. Ей стало совсем страшно: это было лицо из её грёз, то самое, что она представляла себе под рассказы старух, то самое, что она так явственно увидела на подходе к таверне. Неожиданно даже для себя самой, она вдруг заговорила.

– Подождите! Пожалуйста! – очередной порыв ледяного ветра пролетел по харчевне, когда призрачный отряд повер-

нулся к ней с тем, что можно было бы назвать удивлением. – Я знаю, что вас предали хозяева этой таверны двести лет тому назад, – она поёжилась под мёртвым взглядом призрака, – эти люди... вероятно, их потомки? – ей показалось, что в его глазах появилась насмешка, – но они изменились, они не хотели приносить нас в жертву... они пытались нас предупредить, не дать нам остаться... но ведь снаружи нас ждала смерть от волков или холода... они были вынуждены...

– Они пытались вас предупредить? Интересно, – призрак вновь переключился на хозяев. – Это действительно ново. С чего бы это? – эльф какое-то время размышлял, пристально глядя на не смеющих пошевелиться супругов. – Видишь ли, они не сказали тебе, кто они, – он повернулся обратно к Снежане, и её душу снова выморозило его ледяным взглядом. – Они не потомки... Он, – эльф указал на мужчину, – тот самый хозяин... Произнесённое мной на пороге смерти проклятие подействовало на них, сделало их бессмертными до того дня... – он резко прервался, когда женщина начала всхлипывать. – Постой, – он вгляделся в Снежану. – Я знаю кто ты... Ты из их рода!

– Что? – отшатнулась девушка. – Нет!

– Да... Они предупреждали *тебя*... Не хотели, чтобы *ты* осталась... – протянул он, изучая её пронзительным взглядом. – Но почему же ты всё-таки осталась? Обычно они убегали сразу после того, как приводили очередную жертву... – он мельком глянул на Улиту, оцепеневшую и едва дышав-

шую от ужаса. – Но тебя я не почувствовал... И не знаю тебя... не ждал тебя... Та, другая, ещё молода.

– Жертва? Какая другая? – растерянно воскликнула Снежана, – ты о чём? Я и слыхом не слыхивала об этой таверне до сегодняшнего дня... И это *она* меня привела сюда, а не я её... – она ткнула пальцем в Улиту, на мгновение возмущение несправедливым обвинением притупило её страх перед призраком, – стала бы я сюда кого-то приводить, если бы знала обо всём этом!

Выражение лица эльфа неуловимо изменилось.

– Другие из твоего рода приводили... – ответил он с лёгкой насмешкой в голосе, ещё раз скользнул взглядом по Улите и вновь переключился на Снежану, – но я вижу, что ты говоришь правду... – протянул он. – На тебе нет пятна предательства... оно на ней.

Призрак прищурился на испуганную девушку. Казалось, он недоумевал, как будто произошло что-то, чего он не ожидал и теперь не знал, что с этим делать. Но затем он вдруг замер, пронзённый какой-то догадкой, и его брови в изумлении взлетели вверх. Он шагнул вперёд и присмотрелся к девушке повнимательней. Улита взвизгнула, когда ей показалось, что на щеке у Снежаны на мгновение вспыхнули письмена, словно проявившиеся под пристальным взглядом призрака.

– Ах вот оно что... – протянул эльф, ответом на это. – Да... – добавил он, будто рассуждая сам с собой, – именно

так. Теперь всё обретает смысл. Я знаю, кто ты! Ты – та, что была предсказана мне божеством отмщения, обещанная мне невеста: *«Чужих долин цветов, незримых зрящий, Печальный плод отравленного дерева.»* Теперь я наконец понимаю, что это значит, – призрак вновь повернулся к всхлипывающей женщине. – «Отравленного дерева...» *Вашего* дерева! – с нажимом сказал он и злорадно усмехнулся.

– Нет, пожалуйста... Не трогай её... – женщина вдруг упала на колени перед призраком, и тот с отвращением чуть отодвинулся. – Мы в твоих руках, делай с нами что хочешь, но, пожалуйста, не трогай её... она так юна, чиста, и ни в чём не виновата!.. Забери лучше её!! – она вдруг яростно ткнула в сторону Улиты, и та снова взвизгнула от ужаса. – Вот она-то не невинна!!

– Она мне не нужна, – призрак безразлично пожал плечами. – Мне нужна та, что была обещана мне, а это ваш потолок. Сама она может ничего и не сделала, но грехи её предков тяжелы, – насмешливо сказал призрачный эльф, – За предательство надобно платить...

– Нас бы убили, если б мы не повиновались, – перебил его хозяин таверны, – ты это знаешь, чёртов эльф, над нашей дочерью надругались бы, или ещё чего похуже, не мог же я...

– Что не помешало тебе взять деньги короля, – прервал его тираду призрак. – Кроме того, ты прекрасно знаешь, что вы могли уйти с нами, мы бы вас защитили! Ни один человек не знал это ущелье так, как ты, но ты избрал иной путь...

И что насчёт тех девушек, что вы заманивали сюда? С помощью той самой дочки? Утверждая, что одна из них и есть обещанная невеста...

Снежана похолодела, вспомнив замечание Улиты о пропадавших без вести подружках и батрачках её семьи.

– Мы защищали своих... – упрямо ответил мужчина.

– Верно, – спокойно согласился призрак. – Но нынче ваши грехи настигли вас. Судьба отпрыска вашего отравленного дерева свершится – и вы сами её определили, – он на мгновение прервался. – Однако возрадуйтесь, наконец-то вы сможете упокоиться, отправиться в загробную жизнь, ответить за всё перед своими богами.

– Нет! – женщина вскочила на ноги, но призрак едва уловимо махнул рукой, и крик застрял у неё в горле.

Хозяева таверны разом постарели на те самые двести лет, а затем и вовсе превратились в высохшие мумии. Обе девушки, помертвев, уставились на них, от ужаса не способные даже пальцем пошевелинуть.

– Что же до тебя, моя невеста...

Призрак осторожно прикоснулся к щеке Снежаны, на её коже серебристым свечением отозвались номадские письмена. Эльф, казалось, с некоторым удивлением посмотрел на них, но в этот момент резкая боль от его ледяного прикосновения привела девушку в чувство, и она отскочила.

– Нет! – закричала она. – Нет! – она выбежала из таверны и не раздумывая умчалась в ночь.

Снежана бежала со всех ног, но то и дело проваливалась в глубокий снег. Она тяжело дышала от изнеможения и отчаяния, кровь бешено стучала в висках. Тяжёлая поступь мертвяка эхом разносилась по округе, неумолимо следуя за ней по пятам. На мгновение ей почудилось, что его шаги затихли вдали, и ей всё-таки удалось спастись, как вдруг раздался жуткий вой дюжин волчьих глоток. Снежана остановилась и обречённо упала на колени, осознав, что окружена стаей. Жёлтые глаза внимательно следили за ней, чёрные тени плясали на снегу, медленно сжимая кольцо и готовясь к убийственному прыжку. Вдруг между ними пронёсся шар призрачного света и врезался в землю рядом с девушкой, обернувшись командиром призрачного эльфийского отряда. Стая отшатнулась и замерла, уставившись на мертвяка. Но волки не собирались так просто отказываться от добычи столь близкой, что они уже ощущали её вкус. К тому же, звери и призраки слишком долго жили бок о бок, чтобы бояться друг друга. Волки снова подкрались поближе. Призрак вытащил меч из ножен и со свистом рубанул им воздух. Из клинка вырвалась светящаяся линия мертвенного света и кнутом хлестнула по ближайшим тварям – те взвыли от боли и отпрыгнули. Ещё один взмах – и стая наконец отступила обратно в ночь. Призрак вернул меч в ножны и бросил на девушку странный взгляд. Снежана смотрела на него словно заворожённая, не в состоянии вымолвить ни слова. Эльф повернулся и медленно направился обратно к таверне. Следов

на снегу он не оставлял, однако дорожка за ним, казалось, тускло светилась. Девушка какое-то время продолжала сидеть, измученная бегом и ужасом, затем наконец поднялась и поковыляла вслед за ним по призрачному пути. Она видела его мерцающую фигуру вдаль: эльф двигался обманчиво медленно, но догнать его она так и не смогла. А рядом с таверной он попросту растворился в воздухе.

Когда Снежана вернулась в харчевню, от призрачного отряда не осталось и следа. Улита сидела под столом, вцепившись в колени и тихо подвывая от ужаса, тупо уставившись на мумии хозяев. Часы с маятником по-прежнему молчали, огонь погас... Всё выглядело так, словно это место умерло вместе с его хозяевами. Снежана поспешила к Улите, и затрясла её за плечи.

– Бежим! – закричала она. – Бежим отсюда!

Подруга никак не отреагировала, качаясь из стороны в сторону и воя что-то неразборчивое. Снежане пришлось отвести ей несколько пощёчин, прежде чем она наконец пришла в себя. Девушки выбежали из жуткого дома и побежали вниз по дороге. Им даже в голову не пришло, что они вновь могли запросто потеряться, и что волки по-прежнему кружили по лесу. Слишком страшно было оставаться в этом жутком месте! Впрочем, Снежана откуда-то точно знала, куда идти, а волки почему-то обходили их стороной.

Подружки вернулись в деревню только к утру, первые лучи солнца уже робко освещали небо. Они попрощались, избегая смотреть друг на друга, и крадучись разошлись по домам. Бабка Снежаны встретила её сурово насупившись, девушка пролепетала, что они потерялись по дороге. Старуха скептически скользнула взглядом по её мертвенно бледному лицу, но заметив цветки галантой, что они успели собрать, решила, что девочек напугали волки и пустила её спать. Её, правда, охватило какое-то неприятное чувство, когда в спальню за печкой вслед за Снежаной промчалось ледяное дуновение. Родители вернулись на следующий день, и, поговорив с бабкой, вновь расспросили её о мнимом походе за галантой. Мать Снежаны – Стояна – и бабка несколько раз обменялись взглядами за время её рассказа, особенно когда она начала запинаться, пытаясь описать их с Улитой ночные блуждания, но в конце концов вроде как поверили ей. Впрочем, ещё раз крепко отругать не преминули. Жизнь в деревне вновь пошла своим чередом, хотя с Улитой они стали встречаться пореже. Разговоров о случившемся в таверне они избегали, но их отношение друг к другу с тех пор неумолимо изменилось. Улита на первый взгляд чувствовала себя неловко, за то, что втянула подругу в этот ужас, и за то, что смеялась над историями о призраках, но была слишком гор-

да, чтобы признать свою неправоту. Однако когда Снежана один раз об этом всё-таки обмолвилась, Улита тут же перевела разговор на то, что сама Снежана оставила её в полном одиночестве с двумя иссохшимися трупами и призраками! Хороша подруга! Казалось, что её так и подмывало сказать кое-что ещё, но она сдерживалась, только смотрела как-то косо.

Пару дней спустя, начали происходить странные вещи. Свеженадоенное молоко прокисло в считанные минуты, кошки нервничали, шипели на тёмные углы и без видимых причин дыбили шерсть. Бабка, убирая заготовки в погреб, свалилась с лестнички, будто её кто толкнул, и чуть не сломала себе шею, а ребёнок сестры Снежаны серьёзно заболел. Однажды вечером девушка помогала матери с готовкой, когда та вдруг вскрикнула, схватила дочь за руку и повернула к свету, чтобы получше рассмотреть её щёку, ту, к которой прикоснулся призрак. В полутьме явственно различалось тускло посверкивающее пятно, на котором то и дело вспыхивали письма. Стояна ахнула от ужаса и отвесила дочери оплеуху.

– Ты мне солгала! – сердито сказала она. – Ты была в Долине Эльфийских Слёз!

– Я там не была, – пробормотала девочка.

Прозвенела очередная оплеуха.

– Не ври матери!

– Я не вру, – упрямо повторила Снежана. – Мы были толь-

ко в горной таверне.

– В таверне, – в ужасе выдохнула мать и побледнела. – Ты привела их сюда! Они были привязаны к долине и горному хребту, а ты привела их сюда! Поэтому и... – она прервалась и задумалась.

Потом она затащила дочь в погреб и заперла там, оставив лишь небольшую свечку. Снежана присела и поёжилась: было прохладно, тени причудливо танцевали в тусклом свете свечи. Тёмные углы смутно о чём-то напоминали, о чём-то из раннего детства, о чём-то страшном, но она никак не могла вспомнить, о чём именно. А если ещё и её самоназванный жених вдруг решит объявиться – ей будет некуда бежать. Родители всю ночь проговорили с бабкой. Они старались говорить тихо, но время от времени до неё доносились отдельные фразы.

– Да пойми ты, иначе никак! Иначе мы все пропадём. Подумай об остальных детях, – это была её бабка. – А я тебе говорила! Она всегда была не такой... Оставили бы её тогда в лесу, после того, как та ведьма...

– Ну почему она меня не послушала! – это была её мать, явно намеренно разжигающая в себе злость. – Я же запретила ей туда ходить! Вот ведь всегда знала, что эта Улита – хитрая дрянь!

– Она должна уйти, – снова заговорила бабка, – пока никто не заметил и пока они не вспомнили...

– Нет-нет, это всё твоя вина... – поспешно возразила

мать, — я тебе говорила, что нельзя уводить девушек из нашей деревни!

— Это неважно, дура! — вдруг подал голос отец, — если соседи прознают, то попросту подпалят наш дом, — мужчина выругался. — Говорили же мне не связываться с тобой и твоей сумасшедшей мамашкой! В общем так, либо вы с этим разбираетесь, либо я вас всех троих отвезу в ущелье и пусть чёртов эльф сам выбирает, кто ему невеста! — слышались тяжёлые шаги, потом он остановился на пороге. — Тебя же просили за детьми присмотреть! — сказал он, по-видимому обращаясь к тёще. — Что же ты за...

Мужчина не договорил, тяжело вздохнул и вышел, хлопнув дверью. Обе женщины какое-то время сидели молча.

— Она должна уйти, — наконец снова сказала бабка, — если повезёт, то она расплатится за нас всех...

Стояна горестно вздохнула, хоть и с неохотой, но соглашаясь.

* * *

Снежану выпустили из погребя только рано утром. Мать явно плакала ночью, но теперь пыталась скрыть своё горе за ворчанием. Она сухо сказала дочери, что той придётся вернуться в старую таверну и остаться там, чтобы призраки оставили деревню в покое. И вернуться она должна до того, как в деревне кто-нибудь о чём-нибудь догадается. После

ночных размышлений, Стояна почти убедила себя, что избавление от дочери, «говорившей с духами» было всё-таки неожиданным благом. Жители деревни всегда опасались Снежаны, если она исчезнет – никто и не спохватится. Тяжело, конечно, матери пойти на такое... Снежана действительно всегда была трудным и странным ребёнком, но всё-таки это был её ребёнок. Однако один взгляд на остальных детей, особенно младших близнецов и первую внучку, возвратил ей решимость и даже вновь всколыхнул злость на дочь за непослушание. Сама виновата! Пусть вообще спасибо скажет, что её всего лишь выгоняют и оставляют в живых! Хотя сколько ей этой жизни ещё осталось-то...

– Но что мне там делать? – растерянно спросила Снежана.

– Не знаю! – раздражённо ответила мать, занятая приготовлением завтрака для семьи. – Раньше надо было думать! До того как ты туда направилась...

– Откуда мне было знать, что там опасно? Или что мы потомки тех предателей? – пробормотала девушка.

– Теперь знаешь! – Стояна с преувеличенным усердием принялась замешивать тесто для хлеба, упорно не глядя на неё. – Ты же умная девочка, должна понимать, что такие вещи... не обсуждаются за обеденным столом. И потом, не так-то всё просто было тогда...

– Для эльфов всё было просто... – возразила Снежана, подумав, что если мать права, то почему это всё же было семейным секретом?

– Ну что ж!

Стояна в ярости обернулась и смерила девочку ненавидящим взглядом. Тяжело было выгонять собственную дочь, лишь потому и пыталась объяснить ей, что должна думать и о других детях, но эта неблагодарная дрянь этого не ценит, не понимает, как им всем тяжело, думает только о себе!

– Да ты с ними прекрасно поладишь! – женщина вернулась к готовке, бормоча что-то неразборчивое. Наконец, она снова взяла себя в руки. – Я соберу еды тебе на дорогу, сходи пока... с подружкой попрощайся... Не позже завтраго ты должна уйти.

Снежана на деревянных ногах вышла из дома, едва замечая, что братья и сестра старательно сторонятся её, будто она в одночасье стала прокажённой. Она зажмурилась от яркого дневного света и растерянно осмотрелась, словно увидев деревню в первый раз. Реальность происходящего не укладывалась в голове, будто всё это происходило с кем-то другим, не с ней, а она всего лишь наблюдала со стороны. После короткого раздумья она решила пойти к Улите. В её сердце теплилась слабая и несколько наивная надежда, что та сможет как-то помочь. К её удивлению и разочарованию, мать Улиты, обычно радушно её встречавшая, равнодушно скользнула по ней взглядом и даже не пустила на порог, сухо сказала подождать и исчезла в доме. Вскоре, после явно неприятного разговора, Улита выскользнула из дома, смущённая.

– Не надо тебе сюда больше ходить... – проворчала она,

избегая смотреть на Снежану.

– Почему? – растерянно спросила подруга.

Да, между ними до сих пор оставалась определённая неловкость, но она никак не ожидала, что её приход будет нежелателен. Снежана хотела сказать что-то ещё, но смогла лишь снова выдать из себя:

– Почему?

– Почему? Ты ещё спрашиваешь? – чересчур поспешно рассердилась Улита. – После того как ты привела этих призраков сюда?

Снежана какое-то время молча смотрела на подругу, не в силах вымолвить ни слова из-за невероятной несправедливости.

– Я привела? – пробормотала она, с трудом сдерживая слёзы и отчаянно подыскивая слова. – Это *ты* хотела туда пойти... Ты убедила меня... называла меня трусихой, когда я отказывалась...

– Но идти-то не заставляла? – раздражённо прервала её Улита.

Девушка не знала, куда девать глаза. Она прекрасно понимала, что неправа, и то, что подруга озвучила это, её только ещё больше разозлило.

– И вообще, это *тебя* хотел призрак того эльфа... Так что он последовал за тобой, а не за мной! Не я ж виновата в том, что ты потомок тех, кто их предал...

– Я же об этом даже не знала... – едва слышно прошептала

Снежана, заливаясь слезами.

– Ну, тут я тоже ни при чём, – проворчала Улита. – Батрачка, якобы утонувшая тринадцать лет назад, была мамкиной двоюродной сестрой, так что...

У Снежаны резко высохли слёзы, и она посмотрела на бывшую подругу, с ужасом кое-что осознав.

– Подожди, так значит ты обо всём знала? Ты специально привела меня в таверну? Заманила меня туда?

– Ещё чего! Я об этом узнала только когда мы вернулись, – поспешно ответила Улита: слишком поспешно, чтобы это было правдой. – После того, что там произошло, знаешь ли... невозможно было таиться!

– Твой брат «нашёл» то место, – протянула Снежана, не слушая её и глядя на бывшую подругу тем самым пронзающим душу взглядом, которого так боялись жители деревни. – И рассказал тебе, зная, что мы везде ходим вместе... Рассчитывая, что мы туда пойдём, что ты наверняка сможешь меня уговорить, и я не буду ни о чём подозревать... Всё твоё семейство сговорилось против меня!

– Это твоя семейка начала! Ишь ты, строит тут из себя оскорблённую невинность, – проворчала Улита.

– Но я-то вам ничего не сделала! Я думала, что мы подруги! – в отчаянии воскликнула Снежана, – родители и бабка гонят меня обратно в таверну, чтобы призраки оставили деревню в покое... Они хотят попросту принести меня в жертву!

– Вот и славно, – обронила Улита.

Снежана вздрогнула и молча уставилась на подругу, слишком ошеломлённая, чтобы осознать этот жестокий ответ. Улита старательно отводила взгляд. Вообще-то Снежана ей действительно нравилась, и она всегда смеялась над теми, кто боялся её пронзительного взгляда, которого сама ничуть не страшилась. До сих пор. Казалось, что-то зловещее уже обволокло Снежану, и если она нечаянно посмотрит в эти глаза, то это что-то перетечёт и на неё. Подруга угадала: она действительно всё знала заранее и сознательно вела её к таверне. Правда, она никак не ожидала того кошмара, что ждал их там, никто из непричастных не мог знать, что именно могло там произойти. Когда они вернулись, и Улита всё рассказала матери, та была в ужасе, что чуть было нечаянно не послала дочь на смерть. Однако ж теперь стало ясно, что семейная месть всё-таки состоялась. Улита сжала губы и всё-таки посмотрела теперь уже бывшей подруге прямо в глаза упрямым взглядом без тени раскаяния. Снежана повернулась и, не проронив больше ни слова, ушла. Улита с облегчением вздохнула, глядя, как она идёт вниз по улице. На мгновение она ощутила укол вины, но быстро отмахнулась от этого чувства – они сами виноваты! Во всём виновата семья Снежаны! А раз она часть этой семьи, то и она тоже виновата! А значит ей самой не в чем себя винить!

Снежана медленно плелась домой, раздавленная предательством родных и подруги и слишком ошеломлённая, что-

бы плакать. Деревня выглядела сонной и спокойной, не подозревающей о подкрадывающейся к ней потусторонней мгле. Навстречу ей шла батрачка одного из богатых домов с корзинкой, полной яиц. Девушка напевала весёлую песенку, и всё вокруг было таким тихим и благодостным, пребывающим в блаженном неведении о происходящей несправедливости. Вдруг Снежана вздрогнула и замерла с широко раскрытыми от ужаса глазами: в конце глинобитной дороги она увидела призрачную кавалькаду. Умертвия медленно ехали ей навстречу, заглядывая в окно каждого дома, будто бы ища кого-то. Когда они, поравнялись с батрачкой, один из них посмотрел на Снежану, и она узнала в нём эльфийского призрака из тех, что были в таверне. Его губы скривились в жестокую усмешку, и он обнажил меч. Глядя обмершей от ужаса девушке прямо в глаза, эльф подъехал сзади к ничего не подозревающей батрачке и наотмашь махнул мечом, обезглавив её. Пока Снежана, окаменев, смотрела как голова девушки упала в корзинку, а её тело, спотыкаясь, прошло ещё несколько шагов, не в силах отвести взгляд от этого жуткого зрелища, всё вокруг изменилось. Призрачная кавалькада обрела плоть и теперь бесновалась по деревне. Эльфы скакали с оглушительным гиканьем, убивая всех на своём пути и поджигая дома... Воздух заполнился пением стали, предсмертными криками людей и холодящим душу воем умертвий. Снежана зажмурила глаза и зажала уши руками в наивной и бесплодной попытке вырваться из этого кошмара. Она

пришла в себя от того, что кто-то тряс её за плечо и далёкий голос спрашивал, что с ней. Девушка подняла взгляд и вздрогнула, увидев батрачку живой и невредимой, медленно осмотрелась – деревня тоже была в полном порядке, никаких признаков нападения и разорения. Снежана снова уставилась на служанку, слегка отшатнувшуюся от неё, но так и не смогла из себя выдать ни слова. Батрачка отдёргнула руку и поспешила дальше по дороге, постоянно оглядываясь и бормоча что-то о чёртовых заклинателях духов. Снежана какое-то время смотрела ей вслед, всё ещё в растерянности от увиденного, затем повернулась и уставилась на своё отражение в окне ближайшего дома. Теперь она поняла, почему батрачка отшатнулась от неё с таким ужасом – её лицо было мертвенно бледным, а взгляд почти безумным. Она даже уже почти не удивилась, когда предводитель эльфов, её самоназванный жених, вдруг появился позади неё в отражении. Он посмотрел ей прямо в глаза, зловеще усмехнулся и исчез. Снежана вздохнула и снова огляделась. Что это было? Отголоски прошлого? Будущего? Просто наваждение? Ясно было одно – она должна была покинуть деревню. Неважно, кто был во всём виноват – если она не уйдёт, станет только хуже, постепенно будет втянуто всё больше и больше непричастных людей. Она снова вздохнула, размышляя что же ей делать, как вдруг из дома, перед чьим окном она всё ещё стояла, выскочила старуха и прогнала её прочь, изрыгая проклятия и размахивая какой-то тряпкой. Девушка медленно по-

шла дальше по улице, она направилась было домой, где мать обещала ей собрать еды в дорогу, но затем остановилась, не дойдя пару саженой, и задумалась – а, собственно, зачем? Какая разница, выживет ли она в пути или первые несколько дней в таверне? Какое-то время она стояла, глядя на свой дом и размышляя, а затем решительно направилась к горной дороге – прощаться смысла не было.

* * *

Остаток дня Снежана шла практически без остановки, лишь изредка задерживаясь у горных ключей, чтобы попить и передохнуть. Мысли её то и дело возвращались к таверне и к тому, что же она будет там делать, но они были какими-то болезненно медленными и тягучими, как смола. Казалось, даже воздух вокруг неё стал вязким, усложняя движение и удушая. На закате она вдруг осознала свою оплошность: отправившись в путь так поздно, она никак не успевала дойти до таверны затемно, а значит новая встреча с волками почти неминуема. Однако эта мысль её почему-то не испугала. В действительности она даже не подумала, как вообще снова найдёт эту таверну – ведь когда Улита привела её туда, она всего лишь шла за подругой. Но, странным образом, волки её не беспокоили. Если бы Снежана была в состоянии адекватно воспринимать окружение, то заметила бы жутковатую тишину, опустившуюся на горы. Она не имела ни малейшего

понятия, куда идёт, и только призрачный свет снова указывал ей дорогу.

Старой таверны Снежана достигла лишь поздно ночью. Последние пару часов она шла уже с трудом переставляя ноги, отупев от усталости. Девушка толкнула тяжёлую дверь и зашла в беспросветную темноту харчевни. Всё тот же призрачный огонёк позволил найти масляную лампу и зажечь её. Снежана осмотрелась, равнодушно скользнула взглядом по обеим мумиям, лежащим в тех же позах, в которых они скончались. Зрелище было не из приятных, но она слишком устала, чтобы бояться. Девушка проплелась к двери в глубине харчевни, обнаружила за ней спальню и рухнула на постель, даже не разжегши камин. В тот же миг она погрузилась в глубокий беспокойный сон.

Призрачный свет медленно растворился в темноте.

Глава II. Таверна в туманах

Снежана проснулась рано утром, внезапно, будто её кто-то толкнул. Она резко села на кровати и огляделась: солнечные лучи уже пробивались сквозь мутное оконное стекло. Спальня, в которую она осоловелая от усталости ввалилась вечером, выглядела словно бы замершей во времени, разруха, казалось, не затронула убранства. Девушка медленно поднялась и нехотя вышла из комнаты, вспомнив о трупах: на свежую голову думать о них совершенно не хотелось. Снежана зябко повела плечами, увидев то, что осталось от хозяев таверны, при дневном свете, потом разожгла огонь в камине, подбросив туда свежих дров. Затем она прошлась по харчевне, ища что-нибудь съедобное, стараясь не подходить к мумиям близко и не смотреть на них. Впрочем, спиной она к ним тоже не поворачивалась, словно опасаясь нападения. К её удивлению, в погребке девушка обнаружила приличные запасы еды – видимо, даже заколдованные существа нуждались в пище. Она заварила себе чаю, достала пару кусочков чёрствого хлеба и сушёного мяса и с отвращением, давясь, запихнула всё это в себя, притулившись на краешке стула, нервно вздрагивая при малейшем шорохе и прислушиваясь. После этого странного завтрака она выскользнула из дома. Утро было самым заурядным, солнечным, но морозным, ведь таверна находилась высоко в горах. Снежана

поёжилась и полной грудью вдохнула свежего, слегка разреженного воздуха. С лёгким недоумением она окинула взглядом склоны гор, едва тронутые ранними лучами солнца и окутанные утренней дымкой: всё вокруг выглядело до того обыденным и спокойным – с трудом верилось, что над этим местом довлело проклятие. Девушка вздохнула и вернулась в дом. Какое-то время она смотрела на мумии и размышляла. Затем поморщилась, достала из погреба прежде замеченную там лопату и снова вышла, спустилась вниз по склону, пока не набрела на относительно ровную площадку, критически её осмотрела, снова тяжело вздохнула и принялась копать. Снежана трудилась несколько часов, разогрелась и вспотела, но ей удалось продолбить в промёрзшей земле лишь неглубокую яму. Наконец она поняла, что больше копать не сможет, даже если от этого будет зависеть её жизнь, отёрла пот с лица и с сомнением оглядела яму – тела несчастных сильно высохли, должны поместиться.

Снежана устало направилась обратно к таверне, достала две простыни из ларя в спальне и вернулась в трапезную, где лежали трупы. Какое-то время она собиралась с духом: тела, несомненно, требовалось захоронить – ещё не хватало, чтобы неупокоенные духи принялись ночами шариться по таверне, но она содрогалась от одной мысли о том, что ей придётся к ним прикасаться. Наконец она взяла себя в руки, осторожно, морщась от отвращения, завернула обе мумии в простыни и по одной отнесла их к могиле: сначала женщину,

потом мужчину. Тела оказались неожиданно лёгкими, даже такой хрупкой девушке, как она, не составило труда их поднять. Наконец, Снежана присыпала их землёй и наспех провела погребальный обряд. После того, как спало напряжение, усталость напомнила о себе, и ей овладела апатия. Она вернулась в дом и заварила себе ещё чаю. Взмокнув после долгого копания, Снежана быстро замёрзла на холодном горном воздухе. Хотя, возможно, у её дрожи была и другая причина. Согревшись и съев столь же скудный обед, девушка принялась за уборку: скоблила пол, мыла полки и столы, словно пытаясь оттереть налёт проклятия с этого дома, Впрочем, скорее всего просто, чтобы отвлечься. После минутного размышления, она порубила на куски и бросила в огонь кресло, в котором сидел хозяин таверны: после того, как он в нём умер и истлел, у неё не было никакого желания сидеть в нём самой.

Когда она, наконец, закончила с уборкой и придирчивым осмотром своего нового пристанища, был уже поздний вечер. Таверна оказалась небольшой – лишь четыре небольших гостевых комнаты для тех, кто заплутал в тумане. Снежана хотела было выбрать из них одну для себя – вчерашнее изнурение отступило, и ей совершенно не хотелось и дальше ночевать в спальне бывших хозяев. Но, осмотрев их повнимательнее, она передумала. По словам хозяйки, в таверне давно уже никто не останавливался, но тем не менее комнаты для постояльцев выглядели так, словно ими регулярно пользо-

вались. Пыль там если и была, то немного, но зато отчётливо ощущалось какое-то присутствие. Так что, крепко поразмыслив, Снежана предпочла выскоблить до блеска спальню хозяев и даже сожгла их простыни вместе с тем креслом, надеясь этим изгнать их дух из таверны. Гостевые же комнаты девушка заперла на ключ, в неосознанной попытке удержать что-то зловещее внутри.

Переделав по дому всё что можно, она уселась, поджав ноги, в оставшееся кресло с чашкой горячего чая. Снаружи уже опустилась беспросветная ночная мгла и вдалеке послышались первые завывания волков. Большие часы с маятником по-прежнему молчали, но она обнаружила в одной из постоянных комнат редкую вещичку – часы поменьше, работавшие исправно. Было немногим более десяти. Снежана ожидала, что ночью придут призраки эльфов, поэтому просто сидела перед камином, глядя на огонь, ожидая... и не решаясь лишний раз пошевелиться, потому что ей вдруг показалось, что полутьма по углам харчевни ожила. Казалось, что за пределами тускло освещённого круга перед камином что-то происходило, чьи-то внимательные глаза следили за ней... Великое множество внимательных глаз...

Два часа прошли в напряжённом ожидании. Снежана размышляла о том, что же произойдёт в полночь, но в голову ничего не приходило, кроме того, что скорее всего она этой ночью умрёт. В конце концов, как ещё она может стать невестой призрака? Вцепившись в подлокотники кресла и

побледнев, она следила за минутной стрелкой, медленно карабкающейся к цифре двенадцать. Наконец та достигла цели и замерла, замерла и Снежана. Весь мир, казалось, затих на одно бесконечно долгое мгновение. Но... стрелка вновь поползла вниз, и девушка выдохнула – ничего не произошло, стены не исчезли, призраки не появились, огонь продолжал весело потрескивать в камине. Она просидела ещё какое-то время, прислушиваясь и вздрагивая от каждого шороха. Прошло не менее четверти часа, прежде чем Снежана начала постепенно расслабляться. Ещё через час, осознав, что «жених» уже не покажется, девушка решила, что пора идти на боковую. Некоторое время она просидела, убеждая себя хотя бы на мгновение покинуть круг света, вступить в полутьму, где её поджидали «они». Кто такие «они» и опасны ли они на самом деле, она не знала, но её обуревали смутные воспоминания о раннем детстве. Какое-то знакомое ощущение, что она видела что-то, что не должна была видеть. Что-то, что окружающие не видели и пугались до смерти, если она заговаривала об этом. Наконец, Снежана собрала с духом, решившись всё-таки пойти в свежоотмытую хозяйскую спальню, но только она спустила одну ногу на пол, как темнота разразилась неразборчивым бормотанием, ворчанием, чириканьем, словно там копошились полчища мелких существ, наблюдающих за ней, обсуждающих её. Девушка резко поджала ногу обратно, затем осторожно протянула руку к камину и подбросила новое полено в огонь, чтобы тот

горел поярче. Так она и просидела всю ночь, больше не решаясь ступить на пол, словно боясь, что неведомые существа схватят её за ногу, прислушиваясь к бормотанию и время от времени подбрасывая новые поленья в огонь, каждый раз обмирая от ужаса при мысли, что их может не хватить до утра. С первыми лучами солнца потустороннее чириканье начало затихать и Снежана задремала.

Подобным образом прошло несколько следующих дней: ночные бдения и несколько часов беспокойного и неглубокого сна по утрам. Эльфийские призраки по-прежнему не показывались. Да и вообще, кроме «их» чириканья больше ничего не происходило, словно после того, как она пришла в таверну, призраки-эльфы её попросту игнорировали. Однажды, ближе к полудню, после очередного недолгого тревожного сна, не принёсшего отдыха, она пыталась приготовить себе завтрак, когда вдруг снова слышалось жуткое бормотание. Снежана вздрогнула и выронила чашку: такого ещё ни разу не случилось – днём «они» всегда молчали. Девушка поморщилась от громкого звона разбивающейся посуды – от постоянного недосыпа у неё и так уже раскалывалась голова. Бормотание становилось всё громче, но Снежана уже была слишком измучена и раздражена, чтобы бояться.

– Замолчите! – закричала она в пустоту комнаты. – Замолчите! Оставьте меня в покое!

Чириканье на секунду прекратилось, в наступившей тишине отчётливо прозвучал едкий смешок, на мгновение ей

даже почудились чьи-то любопытные жёлтые глаза в одном из углов, а затем надоедливое бормотание возобновилось. А следом внезапно пробудились часы с маятником. Широко раскрытыми от ужаса глазами, Снежана смотрела как те отбивают двенадцать ударов под нарастающее оглушительное чириканье. С последним ударом часов она выбежала из дома и понеслась вверх по дороге, напрямик к обрыву.

– Я ЗДЕСЬ! – в истерике закричала она, с трудом переводя дух. – ГДЕ ТЫ? ТЫ ДОВОЛЕН? – крик эхом разнёсся по склонам.

Снежана стояла на обрыве, давясь всхлипами, слёзы ручьями текли по щекам: она так устала от постоянного ожидания и страха, что хотела, чтобы всё это попросту наконец закончилось. Не важно как. Она вздрогнула, когда рядом неожиданно послышалась тихая музыка. Девушка настороженно обернулась, и её сердце ёкнуло, когда она увидела молодого эльфа, сидящего на валуне и играющего какую-то печальную мелодию. Взгляд его покоился на струнах гитары, её присутствия, он, казалось, не замечал. Было в нём что-то странно знакомое: тёмные волосы, чуть не достающие до плеч, изящные черты лица, тонкие губы, беззвучно шевелящиеся, будто напевая. Некоторое время Снежана смотрела на него, не в силах ни двинуться, ни заговорить.

– Кто... кто ты? – наконец заикаясь проговорила она. – Что... ч-ч-что ты здесь делаешь?

Эльф поднял голову, и девушка вздрогнула, когда его

пронзительные зелёные глаза встретились с её, затем снова опустил взгляд на струны.

– Ты звала, я пришёл, – спокойно ответил он.

Снежана наконец осознала, что это и был предводитель эльфийского отряда, выглядевший, правда, намного моложе, чем призрак появившийся в таверне той ночью. Эльф продолжал перебирать струны, мелодия, рождавшаяся под его пальцами, была невыносимо печальна и рвала сердце на куски. Девушка растерянно глядела на него, не зная что делать. Наконец, он закончил играть и поднялся, опустил гитару на землю и пристально посмотрел на Снежану в упор.

– Доволен ли я? – задумчиво протянул он. – Доволен. Ли. Я? Мой дом был разрушен, земля разграблена, – молодого эльфа сменил возмужавший воин в полном боевом облачении: кольчуге изящного эльфийского плетения, с луком за спиной и двумя мечами по бокам. – Моему народу пришлось спасаться бегством, – он медленно подходил ближе, – бывшие союзники напали на нас. А когда мой отряд защищал отходивших беженцев, мы были преданы и попали в ловушку в ущелье, – на теле эльфа прорезались раны, кровь заструилась по лицу и кольчуге из зияющей раны на лбу. – Мы сражались весь день, – эльф всё приближался, и Снежана начала пятиться, – пытались прорваться, но нас было слишком мало. Мы бы не сдались, но нам и не дали такой возможности – ведь они пришли нас убивать, – девушка в ужасе зажала рот рукой, когда он вдруг обернулся мертвяком, смрад смерти

был невыносим. — Я погиб последним, после того как все мои товарищи — большинство из которых я знал много лет — пали на моих глазах... Их командир смеялся мне в лицо, прежде чем убить меня, когда я уже больше не мог сражаться... Я умер, не зная, солгал ли он, говоря, что они настигли и убили беженцев, которых мы должны были защищать... Нынче же спасение моей души зависит от человека, да ещё дочери того самого рода, что предал нас... И ты спрашиваешь, доволен ли я?

Снежана взвизгнула, когда от раны у него на лбу вдруг отвалился кусок плоти и под ним забелел череп. Она споткнулась и упала, поспешно вскочила на ноги, так как он неотвратно приближался, и понеслась обратно к дому, позади снова неумолимым набатом звучала тяжёлая поступь мертвяка.

— Доволен ли я? — его голос гремел по окрестным ущельям. — Доволен ли я? — Эльф рассмеялся страшным мертвяцким смехом, и горы затрепетали.

Девушка забежала в дом и захлопнула за собой дверь. Ущелье эхом отзывалось на жуткий хохот призрака, комната наполнилась громким бормотанием «их» и оглушающим тиканьем часов с маятником. Снежана упала на колени и зажала уши ладонями, чтобы спастись из этой какофонии. Так она просидела целую вечность, дрожа и содрогаясь от истерических рыданий. Когда она, наконец, решилась отнять ладони от ушей — всё было тихо. «Они» молчали, часы с маятником

по-прежнему тикали, но уже с обычной громкостью. Слышать их ход всё равно было жутковато, ведь она их не заводила. Снежана медленно поднялась на ноги, судорожно всхлипывая, отёрла лицо от слёз, спотыкаясь прошла в спальню, измученная произошедшим, заперла за собой дверь, как будто это могло чем-то помочь, и забралась под одеяло. Девушка лихорадочно вцепилась в подушку, вжалась в неё лицом, отчаянно пытаясь успокоиться, но тщетно. Так она и прорыдала, пока не забылась глубоким сном.

На этот раз Снежана спала долго, сказались и недельное недосыпание, и постоянное напряжение. Когда она, наконец, проснулась, то осознала, что больше не ощущает за собой постоянной слежки. «Они» никуда не делись, но словно немного отступили, больше не давя своим присутствием со всех сторон. В кои-то веки она могла передвигаться по дому, не вздрагивая от малейшего шороха, и, самое главное – спать по ночам. Правда, часы с маятником она по-прежнему обходила стороной, а те продолжали идти, будто ими двигала какая-то жутковатая сила, собственная заколдованная душа. Ещё несколько дней прошло без происшествий. После последнего разговора с «женихом», девушка не искала повторной встречи. На поверку это оказалось слишком страшно, она пока ещё очень хотела жить и всё-таки не была готова платить любую цену ради прекращения этого кошмара. К тому же, после того как «они» оставили её в покое, жизнь в таверне стала чуть веселее.

Снежана занималась обустройством могил хозяев таверны. Вот вроде бы погребальные обряды были проведены, но ей всё равно почему-то было беспокойно. А ну как проклятье эльфа их так и не отпустило? Она натаскала камней с округи и старательно выкладывала их на могиле хозяйки, то и дело потирая и дыша на коченеющие руки, когда волосы у неё на затылке вдруг встали дыбом и по спине пробежал холодок – за ней снова кто-то наблюдал. Девушка, не поднимаясь, медленно повернула голову и увидела эльфа. Он стоял, прислонившись к стене дома, и с непроницаемым лицом созерцал её потуги. Какое-то время они смотрели друг на друга, затем Снежана поднялась, отряхивая грязь с рук.

– Опять ты... – пробормотала она. – И что тебе нужно на этот раз?

Эльф продолжал пристально смотреть на неё.

– Как тебя зовут? – наконец спросил он, не отвечая на её вопрос.

Девушка замерла от неожиданности, затем растерянно ответила:

– Снежана.

– Снежана... – задумчиво протянул эльф. – Красивое имя... Несколько неподходящее для того, кто не любит холод... – продолжил он, пристально глядя на неё.

Девушка зарделась под его внимательным взглядом. Она была ужасно растеряна – после их первых двух встреч она ожидала чего угодно, но только не этого.

– Ты что, – нервно усмехнулась она, – тоже за мной следишь?

Эльф вновь проигнорировал её вопрос. Через какое-то время она занервничала под этим спокойным пристальным взглядом и снова заговорила.

– Итак, я здесь... что ты хочешь от меня? Как я должна снять проклятие?

Призрак пожал плечами.

– Не знаю, – спокойно ответил он.

Снежана аж поперхнулась от изумления и оторопело уставилась на него.

– Что значит... не знаешь? Но... – она запнулась, недоумевая, зачем же тогда он вынудил её прийти в таверну?

– Не знаю, – повторил эльф.

Какое-то время он молчал, размышляя. Затем он снова заговорил, глядя сквозь неё куда-то вдаль, голос его звучал глухо.

– Когда я умирал... когда враги топтали лошадьми наши тела... с моим последним вздохом я проклял и тех, кто разграбили наши дома и осквернили наши тела... и тех, кто нас предал... – он прервался и будто бы неуловимо поморщился.

Снежана подивилась тому, что даже призраку было тяжело говорить о последних мгновениях своей жизни. Наконец

он продолжил, по-прежнему глядя вдаль.

– Когда наши души покидали тела, ко мне приблизилось божество мести и обратилось ко мне.

Он снова замолчал, прищурился, как будто вспоминая, а затем процитировал:

Печален день, коль благородный воин,
Последний вздох свой отравил проклятьем;
Но духи битв – всегда на поле боя,
Услышан ты, исполнится заветье.

Враги твои отсель не вкусят смерти,
Пока отмщенья страшный час не грянет.
Проклятья ж яд – таков закон на свете,
Отныне и тебя, увы, отравит.

Так знай же: лишь тогда покой обрассещь,
Как встретишь на своём пути ты деву,
Чужих долин цветок, незримых зрящий,
Печальный плод отравленного древа.

Душой чиста, со страхом не знакома,
Ту жизнь вернёт, что подлостью отнята.
Рожденья ж срок – то лишь богам ведомо,
Той встречи жди и от судьбы не прячься.

На этот раз молчание затянулось, Снежане невольню стало жаль его. Взгляд эльфа был печальным и усталым – всё

явно пошло не так, как он ожидал, его проклятие наказало не только тех, кто был повинен в его гибели, но ударило и по нему самому и удерживало его здесь, не давая его душе упокоиться. Он платил дважды, даже трижды, учитывая, что его спасение зависело от потомка тех, кого он ненавидел больше всего. Призрак снова заговорил.

– Так что увы, я не знаю, как ты должна снять проклятие... Я лишь знаю, что ты та, кто может это сделать...

– Ты уверен? – девушка нервно усмехнулась, с ноткой иронии. – Это я-то «со страхом не знакома»?

Эльф тоже усмехнулся в ответ и выпрямился, смерив её взглядом.

– Ты очевидно «цветок других долин», – сказал он, и Снежана смущённо потупилась, эльф явно намекал на номадскую кровь в её жилах, а она привыкла, что об этом упоминалось обыкновенно неприязненно. – Что же до страха, – эльф вновь неопределённо усмехнулся, – ты отвечаешь, возражаешь... требуешь... Ты просила за жизни людей, которых только что встретила, даже не зная, кто они... Не так как другие...

– Другие? – поспешно спросила Снежана, и когда эльф поначалу не ответил, нервно продолжила. – Улита что-то говорила про батрачек и подружек моей семьи, исчезнувших в давние годы... а ты... – она не посмела продолжить.

Даже после того, как её семья пожертвовала ею ради собственного спасения, ей не хотелось верить, что её родичи бы-

ли способны на подобные ужасные деяния. Эльф неумолимо кивнул.

– Твои предки пытались утолить мою жажду мести. Они откуда-то знали о той части предсказания, где говорилось о девушке, которой предназначено снять проклятие. Поэтому они заманивали сюда девушек из деревни. Обычно одна из дочерей звала их собирать цветки галантой, – Снежана вздрогнула: именно под taki предлогом её привела сюда Улита. Совпадение? Или злая ирония? – К сожалению самим дочерям всегда удавалось спастись, – с горечью протянул эльф, – поскольку они знали, что я привязан к ущелью.

– А что произошло с теми девушками? – сама не зная зачем спросила Снежана, когда призрак замолчал, погружившись в воспоминания.

Эльф вновь поднял на неё взгляд, и она пожалела, что спросила.

– Разное... – он равнодушно пожал плечами. – Некоторые были так напуганы, что не разбирая дороги убежали в ночь... Горные тропы коварны, особенно ночью. Их кости до сих пор белеют на дне безымянных расселин. Другие окаменевали и погибали от ужаса. Третьи кричали, что сделают всё ради спасения своей жизни, даже сами убьют хозяев таверны... Наверное, нельзя их за это винить. Пред лицом смерти люди готовы на всё что угодно... – он остановился и посмотрел на неё. В его холодном мёртвом взгляде вдруг появилось что-то новое – любопытство? Едва уловимое сочувствие? – Но

никто не просил за их жизни, забывая о своей...

– Те... третьи, – пролепетала Снежана, – что... с ними...

Девушка не договорила – лёгкая насмешка, появившаяся во взгляде призрака, стала ей ответом. Она задумалась, затем смущённо спросила, чувствуя себя неловко:

– А тебе не было их жаль? Они же не виноваты в твоём... несчастье.

Эльф рассмеялся и девушка поёжилась: смех его звучал так же, как тогда... при прошлой встрече.

– Мне? Почему я должен их жалеть, если их предали свои же. Мёртвые не знают жалости, – насмешливо ответил он, подойдя поближе. Он осторожно прикоснулся к её щеке, и на мгновение его взгляд затуманился. – Может вначале... когда память о жизни ещё свежа – тогда ещё чувствуешь любовь к близким, сожаление, боль утраты... Но проходит время, плоть тлеет, светлые чувства увядают вместе с ней... Остаётся только боль. Боль, скорбь, жажда мести. *Ненависть*. – Снежана похолодела: мёртвый взгляд эльфа вроде бы не изменился, но ей стало жутковато. – Со временем, – продолжил он, убирая руку, – по прошествии веков, я стану безумным призраком, движимым исключительно жаждой мести.

– Но ты же сказал, что я могу снять проклятье...

Эльф печально кивнул.

– Только ты можешь это сделать, да... Но никто не может поручиться, что у тебя это получится. В конце концов, мы оба не знаем как... – он всё также смотрел ей прямо в глаза,

затем протянул руку и снова провёл пальцами по её щеке, кожу обжёг потусторонний холод. – Жаль...

– Что? – растерянно спросила Снежана.

– Что за грехи предков расплачиваются чистые сердцем, – ответил призрак и повернулся, чтобы уйти.

– Ты не сказал мне, как тебя зовут... – крикнула ему вслед Снежана и обмерла от собственной дерзости, когда он остановился и слегка повернул голову в её сторону.

– Таймин, – ответил он после короткого раздумья, какое-то время помолчал, не двигаясь с места, и добавил: – Готовься.

– К чему? – недоумённо спросила девушка.

Эльф окинул её сомневающимся взглядом.

– Ты – новая хозяйка таверны. Через два дня будет равноденствие – у горного короля будет первый шабаш года, в таверну придут... постояльцы.

– Какие ещё... постояльцы? – пролепетала Снежана.

Призрак не ответил и шагнул с обрыва, исчезнув в тумане. Девушка какое-то время смотрела на завихрения в дымке. Её бушевали двоякие чувства: эта встреча с предводителем призрачного эльфийского отряда несомненно в корне отличалась от предыдущих. Она уже почти не боялась его, скорее жалела из-за его мучений, отчасти причинённых её родом. Однако что же будет, если она не сможет снять заклятие? Таймин сказал, что превратится в безумного духа, а что будет с ней? Убьёт ли он её, как других? Или ей уготована ещё

более страшная судьба? И что за «постояльцы» придут к ней завтра? Снежана поёжилась, вспомнив о «них», деливших с ней таверну – постояльцы вряд ли будут приятнее.

Глава III. «Постояльцы»

Следующей ночью, как только над горами сгустилась темнота, кто-то требовательно постучал. Снежана вздрогнула, хоть и ожидала этого после туманного предупреждения эльфа. Пока она колебалась, гости постучали ещё раз, понастойчивее. Девушка наконец собралась с духом и отворила дверь: на неё неожиданно пахнуло теплом. Снежана удивилась – ведь ещё с утра там и тут лежал снег, а в следующий миг заметила толпу невероятно уродливых карликов и карлиц, толкающихся и перебраняющихся на крыльце. Девушка и их предводитель – горбун ростом едва достающий ей до пояса, с покрытым бородавками лицом – уставились друг на друга с одинаковым изумлением.

– Ты кто ещё такая? – наконец резко спросил карлик, с подозрением рассматривая её выпученными глазами.

– Х-хозяйка таверны, – промямлила Снежана: она и сама ещё не была в этом уверена, а при виде этой компании окончательно засомневалась.

– Хозя-я-йка! Как же! – ехидно протянул горбун, под ядовитые смешки остальных. – И что же юная хрупкая дева, вроде тебя, знает об этой таверне?

– Предостаточно! – отрезала Снежана, сама удивляясь своей дерзости. – А если вам что-то не нравится, то поищите себе другую таверну, на ваш вкус! – продолжила она и со-

биралась было захлопнуть дверь, но предводитель карликов ловко просунул ногу в щель.

– Ладно, ладно! Раскудахталась... – пробормотал он. – Покажи нам номера... хозяйка, – при последнем слове карлики снова разразились едкими смешками.

Снежана, насупившись, посторонилась и пропустила их внутрь, сняла со стены связку с ключами от запертых ею ранее гостевых комнат, и повела всю компанию наверх. К её удивлению, все они втиснулись в две комнаты, совершенно не стесняясь спать вперемешку. Только они принялись распихивать свой нехитрый скарб по углам, как кто-то снова постучал. Снежана оставила карликов, которые с каким-то непонятным ей удовольствием больше перебрались, чем заселялись, и вновь пошла открывать «гостям». На этот раз за дверью обнаружились две ведьмы, мерзко над чем-то хихикающие, позади них прибывали всё новые их товарки, закладывая крутые виражи на мётлах, визжа и ухая. Как раз когда Снежана открыла дверь, одна из ведьм хвасталась остальным новёхонькой резной ступой. Девушка невольно поёжилась при виде уродливых, бородавчатых и частично беззубых рож.

– А где хозяева? – спросила одна из ведьм, стоящих на пороге, и Снежана снова переключилась на них.

– М-мертвы, – заикаясь ответила девушка.

– Мертвы? – удивлённо спросила вторая, неожиданно высоким визгливым голосом. – Что значит – «мертвы»? – она

на мгновение замолчала, а затем вдруг словно что-то осознала, – Но это значит... о, О-о!! Как волнительно! – добавила она и протиснулась мимо слегка растерянной девушки.

Снежана только собралась последовать за ними, как ещё одна ведьма лихо приземлилась на поляну, сидя верхом на старом, кряжистом лешем, держась за его седые космы и оглушительно хохоча. Снежана так и застыла на месте, ошеломлённая увиденным.

– Эй, хозяйка! – крикнула одна из ведьм изнутри таверны. – Нас тут обслужат или как? Ты как себе позволяешь обращаться с гостями горного короля?

Снежана вздрогнула и поспешила внутрь, вслед за ней в харчевню ввалилась и толпа хихикающих ведьм, обменивающихся последними новостями.

– Покажи нам наши комнаты! – приказным тоном произнесла вторая ведьма.

Снежана растерянно оглядела толпу ведьм и лешего.

– Но, – она запнулась, не решаясь продолжить. – Но ведь в таверне не хватит комнат для вас всех...

– Ерунда! – визгливо рассмеялась ведьма. – Мы останавливались в этой таверне на всех шабашах не меньше двухсот лет! На том кольце предостаточно ключей!

Она ткнула куда-то за спину Снежане. Обернувшись, девушка чуть не вскрикнула от изумления, увидев связку, на которую самолично надела всего четыре ключа. Теперь же, их на кольце было куда больше, и неведомо откуда появив-

шиеся дополнительные ключи выглядели чудно – полупрозрачные, они мерцали призрачным светом.

– Побыстрее, девица! – поторопила её ведьма, прилетевшая на лешем.

Снежана снова вздрогнула, увидев огромный глаз, парящий у той над плечом. Не веря себе, она пригляделась получше: это действительно был очень большой глаз, размером с небольшую кошку, покрытый то ли волосками, то ли сухожилиями, с небольшими кошачьими ушками и круглым, зубастым, постоянно открытым ртом.

– Да что ж ты так вылупилась? – раздражённо спросила ведьма. – У тебя что, кошек не было?

Снежана, наконец, оторвала взгляд от «совершенно обычной домашней животинки», сняла кольцо с ключами с крючка и пошла вверх, по-прежнему недоумевая, откуда ей взять дополнительные комнаты для постояльцев. Поднявшись на второй этаж, она так и вросла в пол в изумлении: коридор, до сих пор простиравшийся всего на четыре комнаты, казалось, вытянулся до бесконечности, да к тому же странно извивался и вяло шевелился, будто живой, разевая к ней свою пасть, завлекая, поджидая, насмехаясь... Снежана выдала последние два «земных» ключа одной из ведьм, тяжело вздохнула, крепко сжала кольцо с ключами в руке, собралась с духом и шагнула в новую, призрачную часть коридора. Ей почудилось, что как только она ступила туда, что-то заухало, громopodobно рассмеялось и снова выжидающе замерло. Девушка

снова вздохнула и принялась распределять комнаты – призрачные ключи жгли ей пальцы, стены тряслись, ухающий хохот оглушал. Наконец, заселив всех, Снежана направилась обратно к харчевне. Переступив невидимую грань между потусторонним и реальным коридором, она с облегчением вздохнула, однако радость её была недолгой: спустившись в харчевню, она обнаружила, что та тоже приросла призрачной частью и могла теперь вместить несколько десятков гостей. А кухню и вовсе заняли карлики, сразу же развившие там бурную деятельность. Всё было заставлено кастрюлями, горшками, горшочками, в каждом из которых что-то бурлило и варилось.

– Э, а что это вы тут делаете? – растерянно спросила Снежана, карлики явно шуровали на кухне таверны не впервой.

– Ты ещё и слепая, что ли? Кашеварим, знамо дело, – проворчал их предводитель. Затем, видя, что она по-прежнему стоит в проёме и недоумённо на них таращится, повернулся к ней, подбоченился и насмешливо спросил. – Или ты хочешь сказать, что сама приготовишь жабий суп и жаркое из человечины? Или ещё что поинтереснее?

– Из человечины? – медленно повторила за ним девушка, её глаза расширились от ужаса.

– Ты что же, совсем не знаешь, что за постояльцы у тебя будут? Да? – язвительно спросил карлик. – Ведьмы всегда прилетают первыми... затем будут упыри, волкодла...

– Никакой человечины тут не будет! – решительно пре-

рвала его Снежана. – Не на моей кухне.

– Твоей кухне... – карлики разразились ироническими смешками.

– Да! Моей кухне! – выпалила Снежана.

Предводитель карликов с лёгким удивлением посмотрел на неё. Сквозь смертельную бледность и потрясение своим новым дьявольским окружением, на её лице проступала упрямая решимость.

– Я унаследовала эту таверну, так что мне решать, что здесь будет происходить, а не тебе, и тем более не каким-то постояльцам...

– Да что ты говоришь? – карлик пытливо прищурился, – ну и что же ты скажешь тем кровожадным упырям или...

– Что если им это не нравится, то они могут...

– Знаю, – горбун пренебрежительно махнул рукой, – поискать себе другую таверну...

– Да! – отрезала Снежана. – Мне всё равно, что происходит на ваших шабашах, но здесь... – она не договорила под насмешливыми взглядами карликов, но упрямо сжала губы.

Карлик какое-то время задумчиво глядел на неё, затем повернулся обратно к кипящим котелкам.

– Ну что ж, – проворчал он, – Козье мясо под человечье ты тоже не приготовишь, так что иди, занимайся гостями! Эль – там внизу, – он показал на ещё одну призрачную дверь, что появилась в таверне, – Иди-ка, прикати наверх пару бочонков, пока не заявили остальные гости. Оглянуться не успе-

ешь, как харчевня будет кишмя кишеть голодной и жаждущей нечистью, не до того будет.

– Мне кажется, она бы это действительно сделала, – сказала одна из карлиц, когда Снежана исчезла в призрачном погребке. – Ну... заявила бы это упырю или волкодлаку.

– Мда, – задумчиво протянул горбун, – Странная девка. Явно испугана до смерти, но упрямо в этом не признаётся...

– Тогда может у нашего мальчика таки есть шанс на спасение...

– Мда, – снова протянул карлик, всё ещё погружённый в свои мысли, – забавно. Я всегда считал, что это сказки для детей и блаженных идиотов. Проклятый однажды... – он не договорил и поморщился, будто бы вспомнив что-то болезненное.

Старый карлик не солгал – ведьмы были лишь первым нетопырем. После них в двери постоянно кто-то ломился – ещё ведьмы, упыри, высшие кикиморы, духи, какие-то странные существа, о которых она никогда и слыхом не слыживала и как величать их не знала – цветочные духи? Горные призраки? Все они требовали нумера, а затем спускались обратно в харчевню чтобы обжираться и упиваться до бессознательного состояния. Снежана с трудом поспевала всех обслужить – каждый считал себя самым важным гостем и хотел, чтобы именно его потчевали первым. Вдруг у неё по спине пробежал холодок, когда дверь открылась сама, и бесшумно, без стука вошли бывшие хозяева таверны: все её усилия

удержать беспокойных покойников в их могилах оказались напрасными. Она поёжилась, увидев, как мужчина прямоком направился к единственному уцелевшему креслу и уселся в него перед камином, вновь засмолив своей неизменной трубкой. Женщина же подошла к ней и грустно улыбнулась.

– Похоже, тебе не помешает помощь, – мягко прошелестела она.

– Но... вы... здесь? – только и смогла выдавить Снежанна, подумав, что лучше бы она ошиблась в своих опасениях. – Но ведь Тай... То есть тот эльф, – девушка поправилась, смекнув, что бывшей хозяйке может не понравиться излишняя фамильярность её потомка с её злейшим врагом, – сказал, что вы отпущены, можете наконец покоиться с миром... – продолжила она, оправившись от изумления.

Женщина печально покачала головой:

– Увы, – она ласково погладила руку девушки, Снежане понадобилось всё её самообладание, чтобы не отскочить с криком ужаса, – нет...

– Значит, он соврал?

Призрак на мгновение потемнел, но затем снова мягко прошелестел.

– Он мог и не знать... – женщина замолчала и поморщилась.

Слишком больно было ещё вспоминать свои двухсотлетние мучения, а затем и гибель. Смерть была ещё слишком свежим воспоминанием.

– Однако, похоже, что мы только тогда сможем покоиться с миром, когда ты... – она прервалась и после минутного сомнения поправилась, – *если* ты сможешь снять с него проклятье.

Они обе какое-то время молчали, Снежана чувствовала себя неловко, не зная что сказать. Наконец призрак светло улыбнулся и снова погладил девушку по руке:

– Не стоит сейчас ломать над этим голову... Я помогу тебе с гостями...

С помощью бывшей хозяйки таверны дело действительно пошло бодрее, сказывался почти двухсотлетний опыт по ежегодному приёму постояльцев, слетавшихся на шабаши горного короля.

Снежана воспользовалась небольшим затишьем, чтобы приглядеться к своим странным гостям. Все они усиленно готовились к оргии на шабаше у горного короля: пили и ели до отвала, перебранивались и затевали потасовки, распевали похабные частушки. Девушка обвела таверну взглядом: пьяные лешие и бесы лапали повизгивающих ведьм, упыри и кикиморы хвастались друг другу количеством загрызенных, цветочные духи плясали на столах какие-то безумные пляски. Её взгляд вновь задержался на ручном монстрике одной из ведьм. Судя по всему, он воспользовался тем, что и ведьма и леший были заняты друг другом, и до дна вылакал их эль, так что теперь, немного полетав и покружив над другими гостями, он спал глубоким пьяным сном, храпя и пуская

зелёные пузыри. Снежана, наконец, вспомнила: в байках о духах и лесной нечисти, пересказываемых долгими зимними вечерами за рукоделием, упоминалось и об этом чудном создании. Звался он глаз-баюн, потому что якобы охотился, усыпляя свою жертву взглядом. Некоторые сказочники даже утверждали, что он может заморозить и человека, оставляя его беспомощным против нечисти. Снежана невольно улыбнулась, глядя на этого «грозного» охотника. По сравнению с остальными постояльцами таверны, баюн выглядел почти славным.

Передышка была недолгой, в дверь в очередной раз грубо постучали. Она пошла было открывать, но, взявшись за ручку двери, вдруг обмерла, услышав какое-то царапанье и до боли знакомые завывания снаружи. Дверь резко распахнулась, так что она едва успела убрать руку, и на пороге появился огромный, волосатый мужик с недобро горящим взглядом и злой усмешкой на губах. За его спиной Снежана сначала различила лишь множество горящих жёлтых глаз, а затем скорее почуяла, чем узнала ту самую стаю, что охотилась на неё, когда она пыталась убежать от эльфийского призрака. Некоторые «волки» как раз меняли форму на человеческую. *«Волкодлаки.»* – поняла Снежана. – *«Немудрено, что они не испугались призрака.»*

– Скажи-ка, хозяйка, – хрипло прорычал мужик у двери, снова завладев её вниманием, – Что это ты так не приветлива? Нумера нам не нужны, но мы б хотели присоединиться к

празднеству... Или нам тут не рады? – он неприятно усмехнулся, обнажив впечатляющие острые зубы.

– О-т-т-чего же... – заикаясь произнесла Снежана и отступила в сторону, пропуская волкодлаков.

Их было не менее десятка. Когда девушка оглядела дорогу, ведущую к таверне, то увидела ещё дюжину волков, которые по-видимому решили расположиться там.

С появлением волкодлаков настроение в таверне поменялось. Если до этого было шумно, то теперь даже собственные мысли было слышно с трудом. Цветочные духи старательно их избегали, ведьмы очень сдержанно реагировали на их лапанье, но оборотней всё это совершенно не заботило. Они жрали, пили, орали и выли, задирали остальных гостей и щипали ведьм за ляжки, а их предводитель, тот, что зашёл первым, практически пожирал Снежану взглядом. Когда она в очередной раз проходила мимо, он вдруг схватил её за бёдра и притянул к себе, отпустив какое-то скабрёзное замечание. Практически в то же мгновение он взвыл и ненадолго выпустил её из лап, получив раскалённой поварёшкой.

– А ну отпусти её! – сердито сказал предводитель карликов, – Ты что, дурень, не знаешь, что она невеста Таймина?

– Знаю, – двусмысленно ухмыльнулся волкодлак и снова прижал к себе перепуганную девушку, – но плевать я на это хотел...

– Убери руку, – отчеканил спокойный гулкий голос позади него.

Волкодлак с рычанием обернулся и, увидев Таймина, появившегося из ниоткуда, ещё сильнее прижал Снежану к себе, да так, что она вскрикнула от боли.

– Немедленно, – спокойно продолжил эльф. – Пока я не убрал её за тебя.

Волкодлак снова зарычал и оскалился на призрака, глаза его вспыхнули ненавистью. Призрак слегка обнажил свой меч и оборотень поморщился, когда лезвие призрачно замерцало в тусклом свете свечей. Снежана вдруг заметила тонкий шрам на его лице, ставший более явным, когда он скривился. Вероятно, он остался от удара призрачным клинком, когда Таймин разогнал преследовавшую её стаю. Меч покинул ножны ещё на полвершка, и с очередным отвратительным рыком и непристойным проклятьем, волкодлак, наконец, выпустил девушку из лап. Снежана поспешно убежала к стойке и нервно вжалась в столб, отчаянно пытаясь не разрыдаться от ужаса и обиды. Его прикосновения жгли ей кожу, и она всё ещё чувствовала его смердящее дыхание. Лишь с трудом ей удалось взять себя в руки, а когда она вновь обернулась, то обнаружила, что призрак тоже стоит у стойки и пристально за ней наблюдает. Увидев, что она пришла в себя, он молча отвернулся и облокотился на стойку, уставившись в зал. Снежана задумалась: на мгновение ей показалось, что в его взгляде промелькнуло беспокойство, но затем он вновь полностью замкнулся, словно ничего и не было. Она слегка нахмурилась: скорее всего он пе-

реживал лишь о своём спасении, а она, вернее её безопасность, была важна ему только поэтому. Почему-то это ей было неприятно, хоть и лишь чуть-чуть. Словно она ожидала больше благодарности с его стороны... больше сочувствия. Снежана снова обвела таверну взглядом. Только теперь она заметила, что вместе с Таймином в таверне появился и весь призрачный отряд и расселся по всей харчевне, вперемишку с остальными странными гостями. Их появление вновь изменило настроение гулянки. Волкодлаки притихли и стали более сдержанными, разговаривали вполголоса, то и дело с ненавистью косясь на эльфов. Было очевидно, что между этими двумя группами существовала какая-то вражда, выходящая далеко за рамки произошедшего из-за неё. Снежана подивилась – что же это могло быть? Что могли не поделить призраки и оборотни? Впрочем ведьмы, напротив, оживились и заинтересовались, начали прихорашиваться, заигрывать с эльфами, щебеча и хихикая, пытаясь привлечь их внимание. Судя по всему, несмотря на всю свою мрачность, призраки были более желанными компаньонами, чем волкодлаки.

Оргия продолжалась до рассвета, многие из гостей успели допиться до пьяного ступора, однако с первыми лучами солнца живо разбежались по своим комнатам или просто по углам, пряча от солнечного света не только безобразную внешность, но и тёмные закоулки своих душ. Бывшие хозяева таверны, к облегчению Снежаны, тихо выскользнули

за дверь, обратно к своим могилам. К тому времени, когда солнце полностью вступило в свои права, остался лишь Таймин, как ни странно, не подчинявшийся этому закону мироздания: день для живых, ночь для нечисти. Он наблюдал за тем, как измученная девушка собирает кружки и тарелки со столов.

– Иди спать, – наконец сказал он, удержав её за предплечье, когда она собиралась убрать очередной стол.

Снежана отреагировала нервным смешком.

– Спать? Как? Как смогу уснуть со... всеми ними в таверне.

– Я буду тебя охранять, они тебя не побеспокоят, поверь... Тебе нужно отдохнуть, следующая ночь будет не легче, – добавил он, видя, что она всё ещё сомневается.

Снежана скользнула по нему взглядом, потом отвернулась, немного поразмыслила и наконец согласно кивнула. Прежде чем пойти спать, она по какому-то непонятному наитию ещё раз поднялась на второй этаж, к гостевым комнатам. Призрачный коридор словно бы дремал, по примеру своих постояльцев. И тем не менее, её не покидало ощущение, что в нём таилось что-то опасное, что-то, готовое наброситься на неё, если она только... оступится? Даст слабину? Снежана поёжилась, глядя в кажущуюся бесконечной глубину коридора: казалось, стоит ей нечаянно зайти в него слишком далеко, хоть на один шаг, и пути обратно в обычный земной мир она уже не найдёт. Она встряхнула головой, стряхивая

наваждение, и снова спустилась по лестнице. Подойдя к двери своей спальни, девушка в последний раз обвела харчевню взглядом, бросила последний сомневающийся взгляд на Таймина, наблюдавшего за ней с некоторым недоумением, и, наконец, зашла внутрь. Там она какое-то время постояла размышляя, задумчиво глядя на кровать, всё ещё сомневаясь, что сможет уснуть со всей этой нечистью, заполонившей таверну. Что если какой-нибудь особо ретивый упырь вдруг захочет отведать человеческой крови? Внезапно, словно ответом на её сомнения у двери появился призрачный свет и растёкся по её поверхности, будто защищая вход. Снежана вздохнула и слегка улыбнулась – почему-то она сразу же почувствовала себя намного безопаснее.

* * *

Девушка проснулась поздно вечером, в таверне всё ещё царила тишина, судя по всему, её постояльцы не собирались показываться до наступления темноты. Она потянулась и вдруг вздрогнула: у двери, где на рассвете мерцал призрачный свет, теперь стоял эльф и наблюдал за ней. Прежде чем она смогла что-то спросить или хотя бы запротестовать, он растворился в воздухе. Какое-то время она сидела в кровати, натянув одеяло до подбородка, будто опасаясь что он ещё в комнате, затем нехотя выбралась из тёплой кровати и начала одеваться. Она тяжело вздохнула, прислушиваясь к до-

му. Этой ночью её сны были неожиданно спокойными, дав ей передышку от того бедлама, в котором она внезапно очутилась. Тем тяжелее было проснуться и обнаружить, что она по-прежнему находится в этом проклятом месте. Снежана подняла взгляд и вздрогнула, увидев своё отражение в зеркале: лицо бледнее смерти, словно она уже отошла в мир иной; взгляд её, ныне постоянно широко распахнутых глаз, был вполне себе безумным; волосы жили какой-то своей жизнью, и в них появилось несколько серебристых нитей – она прекрасно вписывалась в это странное место и в эту проклятую компанию. Девушка отвела взгляд от зеркала: она никак не могла избавиться от ощущения, что в отражении за её спиной вот-вот появится кто-то ещё. И вот поди ж ты, вроде это было не самым страшным, что могло с ней произойти, учитывая её окружение, но по спине у неё от этой мысли тем не менее пробежал холодок. Снежана оправила платье и решительно направилась к двери: лучше об этом лишний раз не задумываться.

Девушка спустилась вниз и почти не была удивлена, увидев, что карлики уже суетились на кухне. Как и Таймин, эти странные существа, похоже, не в полной мере подчинялись тому же циклу, что и остальная нечисть. На этот раз они приветствовали девушку сердечнее, она утвердилась в их глазах предыдущей ночью – не убежала в ужасе и слезах, вопреки ожиданиям. Кроме того, они, похоже, благоволили команду призрачного отряда эльфов. «Солидарность проклятых»,

как сказала одна из карлиц, правда не объяснив, что она имела в виду. Снежана закончила уборку столов, с этим нужно было успеть до полуночи, требовательные гости ждать не захотят. Затем она вновь направилась в призрачный погреб: желудки у её постояльцев были воистину бездонными, пожалуй, в этот раз стоило бы выкатить побольше бочонков с элем. Спустившись вниз по лестнице, она невольно ахнула: опустошённый прошлой ночью более чем на половину, погреб снова был доверху заставлен бочонками. Пока она недоумевала, как такое было возможно, в полутьме что-то зашевелилось и её сердце ёкнуло от ужаса. В сумерках погреба медленно поднималась рычащая тень с горящими жёлтыми глазами: один из волкодлаков вместо того, чтобы уйти с остальной стаей, устроился на ночлег прямо под харчевней. Девушка взвизгнула и бросилась обратно вверх, перепрыгивая через ступеньки и чуть не падая, но увы, оказалась не достаточно проворна. Она уже было достигла спасительного света трапезной, как почувствовала, что на лодыжке сомкнулись стальные пальцы и потянули её обратно вниз. Снежана закричала от боли и ужаса, и вдруг полчища маленьких, чёрных, пушистых существ посыпались мимо неё в погреб и набросились на оборотня, целясь в глаза и прочие чувствительные места. Тот грязно выругался, выпустил девушку и упал навзничь, отчаянно размахивая руками в попытках оторвать докучливых существ от лица. С громким всхлипом Снежана, наконец, выбралась вверх и по-прежнему

му на четвереньках поспешила прочь от распахнутого входа в призрачный погреб. Достигнув стены, она остановилась, тяжело опёршись на неё лбом. В истерике девушка хватала ртом воздух, слёзы текли по щекам, она отчаянно пыталась успокоиться, но воспоминания о той ночи, когда она была окружена жуткой стаей, не спешили выпускать её из своих липких объятий. Какой-то чужой мыслью промелькнуло вялое удивление: её почему-то не пугали ведьмы и призраки эльфов, она уже немного привыкла и к странным маленьким обитателям таверны, которые, как выяснилось, её даже защищали. Упыри и кикиморы – отнюдь не менее кровавожадные – и то не так пугали её, как волкодлаки, пробуждавшие в её душе ничем не приглушённый животный ужас. Она вздрогнула, почувствовав чьё-то присутствие, и подняла взгляд: перед ней стоял Таймин, опираясь на одно колено и глядя на неё озабоченным взглядом. Снежана вновь вздрогнула – при виде того, как опухает её лодыжка, его взгляд стал таким же как тогда, когда он умертвил бывших хозяев таверны. Он легко спрыгнул в погреб и секунды спустя надвигающуюся ночь пронзил жуткий вой. Чёрная пушистая масса вывалилась из подвала и поспешно растеклась по углам комнаты. Вслед за ними из развернутой дыры в полу появился эльф, тащивший за собой что-то тяжёлое. Под безмолвными взглядами Снежаны и карликов он дотащил тело оборотня до дверей и исчез в ночи. Одна из карлиц поспешно нацедила какой-то странной пахучей жидкости в кружку

и подбежала с ней к Снежане, девушка было засомневалась, но, встретив ободряющий взгляд крохотной женщины, пригубила напиток и почувствовала как стремительно растекающееся по телу тепло столь же стремительно её успокаивает. Пара карликов прыгнула в подвал и принялась выкатывать из него бочонки. Снежана с облегчением вздохнула и благодарно улыбнулась – этой ночью она ни за что не посмела бы снова спуститься туда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.